

Потребители наркотиков как объект и субъект конфликта государства и наркорынка*

А. Н. Сунами, К. В. Крюкова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Сунами А. Н., Крюкова К. В. Потребители наркотиков как объект и субъект конфликта государства и наркорынка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 4. С. 571–584. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2018.410>

В статье анализируется место наркопотребителя среди структурных показателей конфликта между государством и наркорынком. Авторы указывают на научные коллизии, связанные с разностью трактовки роли наркопотребителей в цепочке незаконного оборота наркотиков. Определены трудности в конфликтологическом толковании наркопотребления, главной из которых является то, что без предельно корректной локализации места и роли наркопотребителя в анализируемом конфликте невозможно провести научно обоснованную экспертизу таких конфликтов. В практическом смысле это существенно влияет на формирование законодательной базы борьбы с наркоторговлей. Делается предположение о том, что наркопотребители могут являться как субъектом конфликтов между государством и наркорынком, так и объектом некоторых из них. Ставится проблема поиска адекватного режима контроля наркопотребителя как меры, без которой невозможно эффективно вести борьбу с наркотиками. Анализ международного опыта показал, что наркопотребление может быть: 1) криминализовано и тем самым включено в незаконный оборот наркотиков; 2) не включено в незаконный оборот наркотиков, но запрещено косвенно, через криминализацию сопровождающих потребление деяний; 3) отделено государством от незаконного рынка наркотиков и тем самым легализовано. Представлены результаты исследования исторической эволюции российской антинаркотической политики с позднего имперского периода до настоящего времени. Делается вывод, что, несмотря на то что ее ядром является контроль потребителя, правоприменительная практика ориентирована на борьбу с крупным наркобизнесом. Предлагается дополнение базовых и нормативных документов, регулирующих отношения в сфере незаконного оборота наркотиков, понятием «наркопотребитель», что позволит включить наркопотребление в сферу контроля государства.

Ключевые слова: незаконные наркотики, наркопотребление, конфликт, государственная антинаркотическая политика.

Вопрос о соотношении потребления и незаконного оборота наркотиков¹ остается одним из наиболее актуальных в современной научной литературе по проблеме наркотиков как практическая задача, поливариантность решения которой

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 16-03-00388-ОГН «Этический анализ конфликтов ценностей».

¹ Вещества, включенные в списки I, II, III, — оборот которых либо запрещен, либо находится под особым контролем Российской Федерации.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

позволяет совершенно по-разному подходить к формированию стратегии борьбы государства с наркоторговлей. Для конфликтологов, исследующих это противоборство, данная проблема имеет чрезвычайное значение, ибо экспертиза любого конфликта требует как можно более четкого определения участвующих в нем сторон. Без этого определения невозможно провести качественный и количественный анализ акторов, сформулировать объект и предмет конфликта, совершить остальные требуемые для корректного конфликтологического анализа процедуры. Соответственно для конфликтолога вопрос приобретает следующее звучание: каким элементом конфликта государства и наркорынка выступает потребитель? Включается ли он непосредственно в конфликт как составная часть стороны «за наркотики» (тогда требуется совершенно определенная стратегия работы с конфликтом) или же является объектом конфликта, за который собственно и ведут борьбу государство и наркорынок? Таким образом, интерпретация глобальной борьбы государств с наркоторговлей и частных кейсов наркоконфликтов попадает в прямую зависимость от решения данного вопроса.

Практика предлагает разные варианты решения. Можно зафиксировать исторические и национальные прецеденты, когда наркопотребление: 1) криминализовано и тем самым включено в незаконный оборот наркотиков; 2) потребление наркотиков не включено в их незаконный оборот, но благодаря криминализации неизбежно сопровождающих потребление деяний, в частности хранения наркотиков, оно запрещено косвенно; 3) государство пытается отделить наркопотребителя от незаконного рынка, легализуя не только потребление, но и покупку и хранение небольшого количества наркотиков.

Мы будем рассматривать наркопотребление не только через проблему правового статуса наркопотребителя, но и через призму того, каким фактором наркопреступности оно является. Для этого необходимо определить, что представляет собой данная категория преступлений. Так, К. Д. Николаев, исследуя предмет, объект и признак наркопреступности в современном российском уголовном законодательстве, приходит к выводу о том, что «родовой объект преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, можно определить как совокупность общественных отношений, обеспечивающих общественную безопасность и общественный порядок <...> видовым объектом рассматриваемых посягательств выступает здоровье населения» [1, с. 45]. Исходя из этого мы можем сказать, что потребление наркотиков является главной проблемой борьбы с ними, ибо очевидно, что с точки зрения здоровья населения наркотики вредно потреблять, а не хранить, выращивать или перевозить.

В научной литературе можно обнаружить разные точки зрения на вопрос уголовно-правового толкования наркопотребления. Например, Г. В. Зазулин полагает, что потребителей необходимо рассматривать как участников незаконного оборота наркотиков, ибо потребление неизбежно сопровождается покупкой и хранением наркотиков, также зачастую наркопотребители одновременно являются и мелко-розничными сбытчиками [2, с. 177]. В целом такой подход к наркопотреблению основан на разумном доводе, что никакой рынок не может существовать без потребителя. Известный российский криминолог В. В. Лунеев пишет о том, что несомненно необходима беспощадная борьба с поставщиками наркотиков, при этом нельзя забывать об азбучной истине: «...любой незаконный оборот запрещенных

товаров и услуг в первую очередь обусловлен социальной базой, <...> т.е. иррациональными потребностями людей» [3, с. 562]. Также замечается, что «доминирование в обществе уголовно-правовых представлений о наркорреальности крайне опасно для стороны “против наркотиков”, так как, выбирая в качестве приоритета уголовной политики борьбу с наркопреступностью (наркобизнесом, наркотрафиком и т.д.), контролирующая система оставляет без внимания наиболее уязвимое звено наркосистемы — наркопотребителя» [4, с. 165]. Имеется и другая точка зрения, которую отстаивает, например, Я. И. Гишинский. Его концепция предполагает, что наркопотребители скорее сами являются жертвами социальных условий жизни, а работа с ними должна вестись посредством «несиловой» антинаркотической политики, программ снижения вреда и т.д. [5, с. 248–252]. Такая точка зрения довольно широко распространена в европейской литературе. Так, например, А. Стивенс с соавторами исследуют наркопотребителей в контексте таких явлений, как виктимизация и социальное исключение, при этом контроль государства за наркопотреблением и низовым наркобизнесом ими рассматривается вместе с неблагоприятными социально-экономическими условиями в качестве фактора маргинализации потребителей незаконных наркотиков [6, с. 403]. В качестве альтернативы государственного контроля предлагается легализация наркотиков, при этом такая точка зрения аргументируется не столько сущностными характеристиками наркопотребления, сколько проблемами, не имеющими к нему прямого отношения, как то переполненность тюрем, злоупотребление полномочиями со стороны полицейских [7, с. 372–374], расовая дискриминация [8, с. 191] и т.д.

Чтобы не увязнуть в споре, является наркопотребитель преступником или жертвой, вероятно, будет научно корректным принять следующую рабочую версию. В силу комплексного характера конфликта государства и наркорынка наркопотребителя можно интерпретировать и как главную жертву наркопреступности, т.е. объект данного конфликта, и в качестве необходимого звена наркотизации еще здоровой части населения, т.е. уже как одну из сторон конфликта. Такая одновременность не будет являться противоречивой, если мы разбиваем искомый конфликт на множество мелких противостояний, каждое из которых имеет свой субъектный состав. Также смена ролей наркопотребителя может происходить в ходе динамики одного и того же конфликта, на разных его стадиях. Приняв такую интерпретацию за рабочую, обратимся к имеющимся в современной научной литературе подходам к анализу связи наркопотребления и наркопреступности.

Зарубежная литература обобщает большой круг исследований, посвященных связи наркопотребления и преступности. В целом зарубежные исследователи фиксируют как высокую степень криминализации наркопотребителей [9, с. 317–318], так и высокую «стоимость» наркопотребления для социальной системы [10, с. 6–7]. Большое внимание уделяется различным моделям помощи совершившим преступления наркопотребителям, как в рамках пенитенциарной системы, так и вне ее, нацеленным на их исключение из преступности [11, с. 151].

Резюмируя, можно отметить, что потребление наркотиков является важнейшим элементом цепочки незаконного оборота наркотиков по ряду причин. Во-первых, оно, как замечают В. И. Лунеев и Г. В. Зазулин, обуславливает само существование наркобизнеса. Во-вторых, на низовом уровне наркопреступности разделить наркопотребителя, покупающего и хранящего наркотики без цели сбыта, от

наркопреступника, имеющего такую цель, практически невозможно. В силу этих обстоятельств контроль над наркопотребителем является мерой, без которой невозможно эффективно вести борьбу с наркотиками. Более того, борьба с наркобизнесом без контроля над потребителем и дилерами низового уровня является профанацией, ибо в таком случае утрачивается сама цель этой борьбы — здоровье населения, принимающая извращенное толкование в виде снижения вреда от потребления наркотиков и т. д. При этом конкретная правовая форма контроля должна быть адекватной локальной проблеме и нацеленной на прекращение потребления наркотиков без исключения потребителя из социальной жизни и его маргинализации, руководствоваться при этом следует, к примеру, принципом, сформулированным в шведской антинаркотической политике: тяжело потреблять наркотики, легко получить помощь, чтобы бросить.

Определив существенное в понимании наркопотребления в контексте незаконного оборота наркотиков, необходимо проследить, каким образом оборот стал незаконным, как сформировался государственный контроль за потреблением, какова его современная международная и российская практика.

Известно, что еще в древнейшие времена, когда и речи еще не шло о государстве, люди имели опыт взаимодействия с наркотиками и обладали механизмами контроля наркопотребления. Для большинства потребление наркотиков было табуировано, а небольшая группа посвященных могла воспользоваться этим средством только с определенной целью, вне которой это потребление также каралось [12, с. 80–89]. В современном понимании, т. е. как товар, наркотик появляется в эпоху Великих географических открытий (XV–XVII вв.), когда он проникает из регионов, где сложилась традиция потребления, в страны еще не знакомые с ним.

Приобретение наркотиками статуса товара не привело к их моментальному запрету, и долгое время они продавались в качестве колониальных товаров достаточно свободно, пока к середине XIX в. ряд международных и локальных событий не спровоцировал введения запретительных мер на наркобизнес, которые в общих чертах действуют и поныне [13, с. 384].

В 1912 г. в Гааге была подписана международная Конвенция об опиуме. В 1924 г. вторая Конвенция по опиуму дополнилась таким же контролем за кокаином и марихуаной. Таким образом, начиная с XIX в. на уровне локальных обществ, а с 1909 г. — уже на международном уровне выстраивалась глобальная и национальная антинаркотическая политика, основанная на запрете. Принятые в промежутке с 1961 по 1988 г. три конвенции ООН, к которым присоединилось подавляющее большинство государств, еще больше укрепили политику запрета наркоторговли.

Для темы нашей статьи важно то, что основным спорным вопросом является ответственность за потребление наркотиков. Единая конвенция ООН о наркотических средствах 1961 г., ставшая своеобразной конституцией для национальных политик в области наркотиков, запрещая действия с наркотиками, направленные на иные цели, кроме научных и медицинских, тем не менее наказуемыми деяниями признает «культивирование и производство, изготовление, извлечение, приготовление, хранение, предложение, предложение с коммерческими целями, распределение, покупку, продажу, доставку на каких бы то ни было условиях, маклерство, отpravку, переправку транзитом, перевоз, ввоз и вывоз наркотических средств

в нарушение постановлений настоящей Конвенции», правда, оставляя возможность для подписавших наказывать и всякое другое действие, которое, по их мнению, может являться нарушением². В отношении борьбы со злоупотреблениями наркотиками Конвенция ограничивается мерами раннего выявления, лечения, воспитания, и т. д., не фиксируя обязанность подписавших стран наказывать за наркопотребление как за самостоятельное правонарушение. Рассматривая европейский опыт, можно обнаружить три линии поведения государства в отношении потребления наркотиков: борьба, компромисс и уклонение [14, с. 62–63].

Первую группу стран, где победила рестриктивная линия в отношении наркопотребления, составляют, например, Финляндия и Швеция. В этих странах использование запрещенных наркотических веществ рассматривается законом как часть незаконного оборота наркотиков и наказуемо в соответствии с уголовным кодексом каждой из этих стран тюремным заключением. Так, в Швеции закон 1968 г. устанавливает максимальное наказание за аналогичное деяние в случае отягчающих обстоятельств до трех лет [15, с. 334–335]. В то же время правоприменительная практика демонстрирует гибкость.

Бельгия, Испания, Ирландия, Голландия, Великобритания, Люксембург и Португалия занимают компромиссную позицию в отношении наркопотребителей. Здесь потребление наркотиков не регулируется уголовными нормами или регулируется частично. Так, в Бельгии уголовно запрещено только групповое потребление, которое может караться тюремным заключением на срок от трех месяцев до пяти лет и/или штрафом³.

И наконец, третья группа стран демонстрирует стремление уйти от прямого контроля над наркопотребителем. Уголовные кодексы Германии, Австрии не содержат запрета наркопотребления, что отнюдь не означает разрешения потреблять наркотики, ибо их хранение для личного потребления может повлечь наказание.

Российской антинаркотической политике скорее свойствен рестриктивный тренд, а ее историю принято вести с изданного Николаем II «Указа о мерах по борьбе с опиекурением на Дальнем Востоке» [16]. Толчком к принятию царским правительством мер по борьбе с наркотиками стала обеспокоенность общественности распространением опия на российском Дальнем Востоке. Результатом этой обеспокоенности стало представление о развитии производства опиума в Приамурье, поданное Председателю Совета министров Российской империи П. А. Столыпину, который одновременно являлся председателем Комитета по заселению Дальнего Востока.

Политика контроля получила свое продолжение и после Октябрьской революции. Уже в 1918 г. выходит часто цитируемое в отечественной литературе Предписание Совета народных комиссаров РСФСР от 31 июля 1918 г. №7206-7212 «О борьбе со спекуляцией кокаином»⁴, которое признавало спекуляцию кокаином отвратительной и указывало на необходимость беспощадной борьбы с «мерзавцами,

² Единая конвенция ООН о наркотических средствах 1961 года...: офиц. текст // Конвенции о международном контроле за наркотиками, Управление ООН по наркотикам и преступности, 2014.

³ Belgium Drug Situation 2000 // EEMCDDA. EUROPA.RU: European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction (EMCDDA). 2000. URL: www.emcdda.europa.eu/attachements.cfm/att_34636_EN_NR2000BelgiumEN.pdf (дата обращения: 08.01.2016).

⁴ О борьбе со спекуляцией кокаином (Предписание СНК РСФСР): офиц. текст // Госархив РФ (быв. ЦГАОР). Ф. 130. Оп. 2. Д. 66.

наживающими деньги на полном расстройстве жизни» советских граждан. Принятый спустя год Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета от 20 июня 1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении»⁵ предоставил губернским ЧК право расстреливать торговцев кокаином во внесудебном порядке.

В источниках отмечается, что при всей жесткости установившейся советской власти в отношении наркоторговцев меры контроля потребителей наркотиков, даже в части косвенного контроля потребления через борьбу с изготовлением и хранением наркотиков для собственных нужд, характеризовались удивительным для тех времен либерализмом [17, с. 13]. Первый Уголовный кодекс СССР 1922 г. не содержал специальных статей, устанавливающих ответственность за манипуляции с наркотиками. В 1924 г. этот пробел был заполнен введением в действие постановления СНК «О мерах регулирования торговли наркотическими веществами»⁶. Через некоторое время Постановлением ВЦИК от 5 мая 1925 г. «О дополнении и изменении Уголовного кодекса РСФСР»⁷ УК РСФСР дополняется статьей 140-д, определяющей незаконный оборот наркотиков в СССР как изготовление и хранение с целью сбыта и сам сбыт кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ без надлежащего разрешения, то же преступление, совершаемое в виде промысла, а равно содержание притонов, где производится сбыт или потребление кокаина, опия, морфия и других одурманивающих веществ.

Таким образом, те же действия без цели сбыта в незаконный оборот не включались. В УК РСФСР 1926 г. статья 140-д была переименована в статью 104, но содержание ее осталось неизменным. Несмотря на невключение потребления наркотиков в их незаконный оборот, УК РСФСР 1922 г. (статья 46) и 1926 г. (статьи 24–26) предусматривали меры социальной защиты социально-медицинского характера (принудительное лечение, помещение в учреждение для умственно и морально дефективных лиц, совершивших преступления), которые могли быть применены «судом, если он признает несоответствующим данному случаю применение мер социальной защиты судебно-исправительного характера, а равно и в дополнение к последним»⁸.

В дальнейших нормативных актах понятие незаконного оборота наркотиков уточнялось и расширялось. Постановление ВЦИК и СНК от 23 мая 1928 г. уточнило перечень запрещенных в свободном обращении наркотических веществ⁹. Постановлением ЦИК и СНК от 27 октября 1934 г. было криминализовано культивирование опийного мака и индийской конопли без научных или медицинских целей¹⁰. 27 октября 1960 г. Верховный Совет РСФСР утвердил новый УК, в котором нормы,

⁵ Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении (Декрет ВЦИК РСФСР) // Известия ВЦИК. 1919. № 134.

⁶ О мерах регулирования торговли наркотическими веществами (Постановление СНК РСФСР): офиц. текст // Сборник узаконений РСФСР. 1922. № 15, ст. 153.

⁷ О дополнении и изменении Уголовного кодекса РСФСР (Постановление СНК РСФСР): офиц. текст // Сборник узаконений РСФСР, 1925, № 5, ст. 33.

⁸ Уголовный кодекс РСФСР: офиц. текст // Сборник узаконений РСФСР. 1926. № 80, ст. 600.

⁹ О мерах регулирования торговли наркотическими веществами (Постановление ВЦИК и СНК РСФСР): офиц. текст // Сборник законодательства СССР. 1928. № 33, ст. 290.

¹⁰ О запрещении посевов опийного мака и индийской конопли (Постановление ЦИК и СНК РСФСР): офиц. текст // Сборник законодательства СССР. 1934. № 56, ст. 422.

направленные на борьбу с незаконным оборотом наркотиков, были дополнены рядом новых составов (в частности, склонение к потреблению наркотиков несовершеннолетнего) и помещены в главу 10 «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения»¹¹. В новом УК также были конкретизированы меры, направленные на контроль наркопотребления. В статье 62 указывалось, что «в случае совершения преступления алкоголиком или наркоманом суд, при наличии медицинского заключения, по ходатайству общественной организации, трудового коллектива, товарищеского суда, органа здравоохранения или по своей инициативе, наряду с наказанием за совершенное преступление, может применить к такому лицу принудительное лечение. <...> в случае совершения преступления лицом, злоупотребляющим спиртными напитками или наркотическими веществами и ставящим в связи с этим свою семью в тяжелое материальное положение, суд наряду с применением за совершенное преступление наказания, не связанного с лишением свободы, вправе по ходатайству членов его семьи, профсоюзной и иной общественной организации, прокурора, органа опеки и попечительства или лечебного учреждения признать его ограниченно дееспособным <...> над этим лицом устанавливается попечительство». Согласно Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 августа 1971 г. наркозависимые, уклоняющиеся от лечения, могли быть направлены в лечебно-трудовой профилакторий на срок от 1 до 2 лет¹².

В 1963 г. СССР присоединяется к упомянутой Конвенции 1961 г. Мерой по реализации международных обязательств СССР, вызванных присоединением к конвенциям, стал Указ Президиума Верховного Совета СССР 1974 г. «Об усилении борьбы с наркоманией», ставший основой поздней советской антинаркотической политики. «Указ имел ярко выраженный комплексный координирующий характер и являлся для регионов документом не рекомендательным, а обязывающим, имеющим силу закона» [18, с. 12]. На основании статьи 11 данного указа в Административный кодекс РСФСР была внесена норма, предусматривающая привлечение к штрафу или административному аресту за потребление наркотиков без назначения¹³. Непосредственно же потребление наркотиков было введено в незаконный оборот только Указом Президиума ВС СССР от 29 июня 1987 г.¹⁴, внесшего изменения в УК, в частности была добавлена статья 224.3 «Незаконное приобретение или хранение без цели сбыта наркотических средств в небольших размерах либо потребление их без назначения врача, совершенные повторно в течение года после наложения административного взыскания за такие же правонарушения». Таким образом, контроль над наркопотребителями, а затем и криминализация потребления были введены только на самом последнем этапе существования Советского государства и действовали очень недолго.

¹¹ Уголовный кодекс РСФСР: офиц. текст // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 591.

¹² О принудительном лечении и трудовом перевоспитании больных наркоманией (Указ Президиума Верховного Совета СССР): офиц. текст // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1972. № 52, ст. 1346.

¹³ Об усилении борьбы с наркоманией (Указ Президиума Верховного Совета СССР): офиц. текст // Ведомости Верховного Совета СССР. 1974. № 18, ст. 275.

¹⁴ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Кодекс РСФСР об административных правонарушениях и другие законодательные акты РСФСР (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР): офиц. текст // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1987. № 27, ст. 961.

В 1990 г. Комитет конституционного надзора СССР в русле тогдашнего тренда демократизации советского строя принимает заключение «О законодательстве по вопросу о принудительном лечении и трудовом перевоспитании лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией», в котором, среди прочего, указывалось, что принудительное лечение от наркомании, базировавшееся на положении союзного законодательства о здравоохранении, что «граждане СССР должны бережно относиться к своему здоровью», не соответствует «ни Конституции СССР, ни международным актам о правах человека и не может обеспечиваться мерами принудительного порядка»¹⁵. Точка зрения, изложенная в данном документе, часто встречается в научной литературе. Так, Т. Седдон, анализируя этические проблемы принудительного лечения наркопотребителей, замечает, что «люди в либеральных обществах как правило, не несут никаких обязательств делать то, что хорошо для них <...> и, как правило, имеют право продолжать нездоровый образ жизни, если они этого пожелают, и не обязаны обращаться за помощью, чтобы облегчить любые недуги, от которых они могут пострадать» [19, с. 275]. То же самое, по его мнению, касается принудительного лечения как меры профилактики наркопреступности, ибо «права не должны быть принесены в жертву только для того, чтобы защитить других» [19, с. 275]. Как следствие такого решения Законом РСФСР от 5 декабря 1991 г. № 1982-1 отменены административное наказание за потребление наркотиков без назначения врача и уголовная норма за повторное потребление наркотиков в течение года после административного наказания¹⁶.

В течение 10 лет после принятия данных решений в России наблюдался неуклонный рост как числа потребителей наркотиков, так и количества совершаемых преступлений, связанных с их незаконным оборотом. «В январе 2001 г. было зарегистрировано более 269 тыс. наркоманов, т. е. в 9 раз больше, чем в 1990 г., научные исследования показывают, что не менее 2,5 миллионов россиян вовлечены в наркоманию <...> число преступлений, связанных с незаконной торговлей наркотиками, увеличилось в 15 раз» [2, с. 22]. Очевидное обострение проблемы незаконного оборота наркотиков невозможно было далее игнорировать, и в 1996 г. в Государственную Думу РФ поступил проект Закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», правда, пройдя все стадии законодательного процесса, законопроект так и не был подписан президентом. Но уже в следующем году сосредоточенная в Государственной Думе левая оппозиция сумела, преодолев вето президента, принять данный закон, ключевой позицией которого было возвращение запрета на потребление наркотиков без назначения врача¹⁷. В 2002 г. вступил в силу новый Кодекс об административных правонарушениях РФ, в который была

¹⁵ О законодательстве по вопросу о принудительном лечении и трудовом перевоспитании лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией (Заключение Комитета конституционного надзора СССР): офиц. текст // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 47, ст. 1001.

¹⁶ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (Закон РСФСР): офиц. текст // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 52, ст. 1867.

¹⁷ О наркотических средствах и психотропных веществах (Закон Российской Федерации): офиц. текст // Российская газета. 1997. № 2, ст. 1867.

возвращена статья, предусматривающая наказание за потребление наркотиков без назначения врача¹⁸.

В продолжение взятого курса 11 марта 2003 г. выходит Указ Президента РФ № 306¹⁹ «Вопросы совершенствования государственного управления в РФ», создавший Государственный комитет по контролю за оборотом наркотических средств — Госнаркконтроль (позже преобразованный в федеральную службу (ФСКН России)) — специально уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, на который была возложена функция координации антинаркотической политики.

Таким образом, к началу 2000-х годов рестриктивный тренд в российской антинаркотической политике вновь возобладал, что соответствует запросам населения, как убедительно стабильно демонстрируют опросы общественного мнения на протяжении всего предшествующего периода [20, с. 8–9]. Стоит отметить, что руководство ФСКН РФ настойчиво декларировало приверженность принципам рестриктивной политики в отношении наркопотребителей. Примером этому является реакция на предпринятую в 2004 г. Постановлением Правительства РФ № 231 попытку радикально отделить наркопотребителей от наркопреступности посредством установления количества наркотика, в пределах которого за его хранение не наступала бы уголовная ответственность²⁰. Служба отреагировала довольно жестко, в частности, тогдашний зампред Госнаркконтроля А. Г. Михайлов в интервью газете «Коммерсантъ» обвинил Министерство юстиции в лоббировании интересов наркомафии²¹. В последующем ключевые положения данного постановления были пересмотрены.

В то же время, несмотря на непримиримость риторики, реальная правоприменительная практика по наиболее значимым для контроля над наркопотребителем статьям Кодекса РФ об административных правонарушениях: по 6.8 «Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (без цели сбыта)», 6.9 «Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача», 20.20 «Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача в общественных местах» — заставляет усомниться в том, действительно ли наркопотребление является приоритетной проблемой. По данным портала судебной статистики Судебного департамента при Верховном суде РФ (<http://www.cdep.ru>), за 2017 г. в федеральные суды общей юрисдикции и к мировым судьям поступило дел по ст. КоАП 6.8 — 16 115, 6.9 — 84 095, 20.20 — 9533, за 2016 г.: по ст. 6.8 — 15 063, 6.9 — 72 389, 20.20 — 10 315. Что касается количества зарегистрированных наркопотребителей, согласно статистическим данным Министерства здравоохранения РФ (<http://www.rosminzdrav.ru>), число пациентов с впервые в жизни установленным

¹⁸ О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (Закон Российской Федерации): офиц. текст // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1, ст. 1.

¹⁹ Вопросы совершенствования государственного управления в РФ (Указ Президента Российской Федерации № 306): офиц. текст // Собрание законодательства РФ. 2003. № 12, ст. 1099.

²⁰ Об утверждении размеров средних разовых доз наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации (Постановление Правительства РФ): офиц. текст // Собрание законодательства РФ. 2004. № 19, ст. 1898.

²¹ Госнаркконтроль нашел покровителей наркодилеров // Коммерсант. 2004. 21 мая.

диагнозом «синдром зависимости от наркотических веществ», взятых под диспансерное наблюдение психоневрологическими и наркологическими организациями в 2016 г., составило 16 288, всего обратились с подобным диагнозом 292 407 пациентов.

Мы вынуждены оперировать медицинским понятием «больной наркоманией» (т.е. лицо, которому поставлен диагноз «наркомания») в силу отсутствия юридически зафиксированного статуса «наркопотребитель», вследствие чего нельзя говорить о наличии учета таких лиц, алгоритма контроля и работы с ними и т.д. Тем не менее, согласно докладу о наркоситуации в РФ в 2016 г., представленному Государственным антинаркотическим комитетом (<http://www.fskn.gov.ru>), число лиц, с разной степенью периодичности потребляющих наркотики, по данным общероссийского мониторинга, составляет, как и годом ранее, 2,3 млн человек, или 1,6 % населения страны²². Таким образом, можно смело заключить, что контроль над наркопотребителем посредством исполнения административного законодательства осуществляется незначительно.

В целом можно резюмировать, что ретроспективный анализ отечественной антинаркотической политики в России показывает, что статус наркопотребителя большую часть времени оставался довольно неопределенным. Причиной тому является отмеченная нами выше комплексность положения потребителя наркотиков в структуре конфликта государства и наркорынка. Эта комплексность требует выработки дифференцированного подхода к данной категории лиц в зависимости от вида и стадий конфликтного взаимодействия. В свою очередь, этот дифференцированный подход, помимо объективных затруднений, связанных с учетом большого количества факторов, детерминирующих политику в отношении потребителей наркотиков, неизбежно связан с поиском компромисса между отдельными включенными в борьбу с наркотиками государственными органами, чьи интересы не всегда сочетаются между собой. Но без нахождения разумного режима работы с наркопотребителем Российское государство рискует пойти либо по пути игнорирования наркопотребления одновременно с маргинализацией небольшой доли попавших в поле зрения правоохранительных органов, либо в качестве ответа на очевидную неэффективность первого варианта, согласно существующим на Западе трендам, — по пути декриминализации или легализации наркотиков.

Попытка некоторого разворота в сторону реальной борьбы с наркопотреблением наблюдалась на последнем этапе работы ФСКН России до ее упразднения в 2016 г. Эта попытка связана с некоторым смягчением позиции ФСКН РФ в отношении наркопотребителей. Сложилась парадоксальная ситуация, когда жесткость позиции фактически оставляла наркопотребление за пределами конфликта государства с наркорынком, а ее смягчение могло, наоборот, привести к созданию действенной системы контроля и учета наркопотребителей. Так, директор ФСКН России В.П.Иванов на парламентских слушаниях по вопросу законодательства о наркотиках, состоявшихся в декабре 2014 г., отмечал, что «в антинаркотической политике государства ярко выражен перекося в сторону карательной, репрессивной функции <...> именно по этой причине из 1,2 млн привлеченных к ответственности

²² Доклад о наркоситуации в РФ в 2016 г. (выдержка) // MVD.RU: Министерство внутренних дел РФ. 2017. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/1262499> (дата обращения: 24.05.2018).

за 5 лет 1 млн — это сами наркопотребители»²³. Озабоченность В. П. Иванова вполне понятна. Зарубежные источники изобилуют исследованиями, показывающими, насколько использование специальных судебных процедур в отношении наркопотребителей, например наркосудов, позволяет отказаться от тюремного заключения без ослабления контроля над ними и оказания им реальной помощи. В частности, исследование взрослых наркосудов в США (2012) показывает уменьшение случаев преступного поведения, количества повторных арестов лиц, направленных наркосудами в реабилитационные общины под судебным контролем [21, с. 165].

Перед самым упразднением Службы, говоря о необходимости принятия новой редакции стратегии, директор ФСКН озвучил чрезвычайно важные инициативы²⁴. Указывая на отмеченное нами выше отсутствие правового понятия наркопотребителя как лица, допускающего потребление наркотиков без назначения врача, он отметил, что такая ситуация приводит к тому, что «де-юре наркопотребители в Российской Федерации не существуют вовсе». В то же время нормы уголовного законодательства, обеспечивающие возможность судам направлять на реабилитацию, действуют только в отношении больных наркоманией. В силу этого, по оценке В. П. Иванова, приоритет социальной реабилитации над уголовным наказанием наркопотребителей не может быть в настоящее время осуществлен. Как справедливо отмечалось, «по действующему законодательству, государство начнет работать с ними только тогда, когда наркопотребители превратятся в законченных наркоманов». В связи с этим предлагалось дополнить ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» понятием «наркопотребитель».

Таким образом, было признано, что, несмотря на рестриктивный характер российского законодательства, реальный контроль над наркопотреблением не осуществлялся. Результатом же явилось то, что в России построена весьма причудливая антинаркотическая политика, ядром которой, казалось бы, выступает контроль над потребителем, в то же время правоприменительная практика до последнего времени ориентировалась исключительно на борьбу с крупным наркобизнесом. Предложенные ФСКН РФ инициативы по дополнению базового закона понятием «наркопотребитель» вкупе с инкорпорированием этого понятия в остальные нормативные документы, так или иначе регулирующие отношения в сфере незаконного оборота наркотиков на территории РФ, как кажется, могли бы подчеркнуть специфичность данного элемента наркоторговли для конфликта государства и наркорынка и тем самым создать условия для выработки того дифференцированного подхода, который был нами обозначен выше. Российская антинаркотическая политика в данный момент находится в ситуации безвременья. Ликвидационная комиссия ФСКН России работала до 1 июля 2018 г., тем не менее пока рано говорить о некоем новом дизайне борьбы с наркотиками и о том, будут ли продолжены наметившиеся тенденции.

²³ Выступление председателя Государственного антинаркотического комитета, Государственная Дума РФ, Москва, 1 декабря 2014 г. // GAK.GOV.RU: Государственный антинаркотический комитет РФ. 2014. URL: http://gak.gov.ru/includes/periodics/speeches_gak/2014/1201/121833708/detail.shtml (дата обращения: 28.10.2015).

²⁴ Виктор Иванов об актуальных вопросах реализации Стратегии государственной антинаркотической политики. Выступление на научно-практической конференции, Москва, 3 марта 2016 г. // GAK.GOV.RU: Государственный антинаркотический комитет РФ. 2016. URL: http://gak.gov.ru/includes/periodics/speeches_gak/2016/0303/111542908/detail.shtml (дата обращения: 08.03.2016).

Литература

1. Николаев К. Д. Объект и предмет преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 4. С. 42–46.
2. Зазулин Г. В. Наркоэпидемия. Политика. Менеджмент. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 288 с.
3. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М.: Волтерс Клувер, 2005. 912 с.
4. Зазулин Г. В., Стребков А. И. Что такое наркоконфликтология // Конфликтология. 2009. Вып. 2. С. 160–178.
5. Гилинский Я. И. Профессорская лекция по теме «Криминология и девиантология» // Российский криминологический взгляд, 2010. № 2. С. 239–260.
6. Stevens A., Berto D., Frick U., Kersch V., McSweeney T., Schaaf S., Tartari M., Turnbull P., Trinkl B., Uchtenhagen A., Waidner G., Werdenich W. The Victimization of Dependent Drug Users // European Journal of Criminology. 2007. Vol. 4, is. 4. P. 385–408.
7. Agozino B. Theorizing otherness, the war on drugs and incarceration // Theoretical Criminology. 2000. Vol. 4, is. 3. P. 359–376.
8. Lynch M. Theorizing the role of the 'war on drugs' in US punishment // Theoretical Criminology. 2012. Vol. 16, is. 2. P. 175–199.
9. Rajkumar A. S., French M. T. Drug Abuse, Crime Costs, and the Economic Benefits of Treatment // Journal of Quantitative Criminology. 1997. Vol. 13, N 3. P. 291–323.
10. Rhodes W., Kling R., Johnston P. Using Booking Data to Model Drug User Arrest Rates: A Preliminary to Estimating the Prevalence of Chronic Drug Use // Journal of Quantitative Criminology. 2007. Vol. 23. P. 1–22.
11. Welsh W. N., Zajac G., Bucklen K. B. For whom does prison-based drug treatment work? Results from a randomized experiment // Journal of Experimental Criminology. 2004. Vol. 10. P. 151–177.
12. Чумакова Т. В. Наркотики и религия // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. М.: ИФРАН, 2008. 249 с.
13. Сунами А. Н. Конфликт ценностей как социально-философское основание борьбы государства с наркорынком // Вестник СПбГУ. Сер. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33, вып. 3. С. 381–388. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2017.314.
14. Газимагомедов Г. Г., Сунами А. Н. Наркоконфликт и конфликтная ответственность — новые понятия конфликтологии // Конфликтология. 2012. Вып. 1. С. 54–72.
15. Зазулин Г. В., Сунами А. Н. (отв. ред.) Антинаркотическая политика: шведские ответы на российские вопросы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 386 с.
16. Сорокина Т. Н. Из истории борьбы с опикуением на русском Дальнем Востоке в 1910–1915 гг. // Исторический ежегодник. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1996. С. 39–45.
17. Ткаченко В. В., Ткаченко С. В. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотиков. Барнаул: Сизиф, 2011. 164 с.
18. Фролова Н. А., Зазулин Г. В. Актуальные вопросы антинаркотической политики: отечественный и зарубежный опыт. М.: Орбита-М, 2003. 272 с.
19. Seddon T. Coerced drug treatment in the criminal justice system: Conceptual, ethical and criminological issues // Criminology & Criminal justice. 2007. Vol. 7, is. 3. P. 269–286.
20. Алейников А. В., Стребков А. И., Сунами А. Н. Мнение населения о проблеме употребления наркотиков как социально-гигиенический фактор // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2015. № 3. С. 7–11.
21. Rempel M., Green M., Kralstein D. The impact of adult drug courts on crime and incarceration: findings from a multi-site quasi-experimental design // Journal of Experimental Criminology. 2012. Vol. 8. P. 165–192.

Статья поступила в редакцию 22 марта 2018 г;
рекомендована в печать 26 июня 2018 г.

Контактная информация:

Сунами Артем Николаевич — канд. полит. наук, доц.; a.sunami@spbu.ru

Крюкова Ксения Вячеславовна — канд. полит. наук, ассистент; k.krukova@spbu.ru

Drug users as a party and aim to the conflict between state and illicit market*

A. N. Sunami, K. V. Kryukova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Sunami A. N., Kryukova K. V. Drug users as a party and aim to the conflict between state and illicit market. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2018, vol. 34, issue 4, pp. 571–584. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2018.410> (In Russian)

The paper analyses the complex counteraction between modern state and illicit drug market. Considering the different scientific views on the role of drug users in the drug trafficking chain, the author points out that main problem of conflict interpretation of drug use is that without a correct localization of the place and role of the drug user in the state vs. drug market conflict, it is impossible to conduct scientifically substantiated examination of such conflicts. In a practical sense, this significantly affects the formation of the legislative framework for combating drug trafficking. The author assumes that drug users can be a subject of conflicts between the state and the drug market, and the object of some of them. The problem of finding a correct control regime for a drug user is posed as a measure, without which it is impossible to effectively combat the drug. Analysis of international experience has shown that drug use can be: 1) criminalized and thus included in drug trafficking; 2) is not included in the illicit traffic of drugs, but is prohibited indirectly, through the criminalization of acts accompanying consumption; 3) separated by the state from the illicit drug market and thereby legalized. The results of a study of the historical evolution of the Russian anti-drug policy from the late imperial period to the present time are presented. The author concludes that, despite the fact that its core is consumer control, law enforcement practice is focused on combating large-scale drug trafficking. It proposes supplementing the basic and normative documents regulating relations in the sphere of illicit drug trafficking with the concept of a “drug user”, which will make it possible to include drug use in the sphere of state control.

Keywords: illicit drugs, drug use, drug trafficking, state, conflict, anti-drug policy.

References

1. Nikolaev, K. D. (2009), “Object and subject of drug trafficking crimes”, *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, vol. 4, pp. 42–46.
2. Zazulin, G. V. (2003), *Narkoepidemiia. Politika. Menedzhment* [Drug epidemic. Policy. Management], St. Petersburg University Press, St. Petersburg, Russia.
3. Luneev, V. V. (2005), *Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossiiskie tendentsii* [Crime of the 20th century: global, regional and Russian tendencies], Walters Cloover, Moscow, Russia.
4. Zazulin, G. V. and Strebkov, A. I. (2009), “What does drug conflictology mean?”, *Konfliktologiya*, vol. 2, pp. 160–178.
5. Gilinskii, Ia. I. (2010), “Professor’s lecture on criminology and deviantology”, *Rossiiskii kriminologicheskii vzgliad*, vol. 2, pp. 239–260.
6. Stevens, A., Berto D., Frick, U., Kersch, V., McSweeney, T., Schaaf, S., Tartari, M., Turnbull, P., Trinkl, B., Uchtenhagen, A., Waidner, G., and Werdnich, W. (2007), “The Victimization of Dependent Drug Users”, *European Journal of Criminology*, vol. 4, is. 4, pp. 385–408.
7. Agozino, B. (2000), “Theorizing otherness, the war on drugs and incarceration”, *Theoretical Criminology*, vol. 4, is. 3, pp. 359–376.
8. Lynch, M. (2012), “Theorizing the role of the ‘war on drugs’ in US punishment”, *Theoretical Criminology*, vol. 16, is. 2, pp. 175–199.

* The research has been performed within the grant of Russian Foundation for Basic Research 16-03-00388-OGN “Ethical analysis of the conflicts of values”.

9. Rajkumar, A.S. and French, M. T. (1997), "Drug Abuse, Crime Costs, and the Economic Benefits of Treatment", *Journal of Quantitative Criminology*, vol. 13, no. 3, pp. 291–323.
10. Rhodes, W., Kling, R. and Johnston, P. (2007), "Using Booking Data to Model Drug User Arrest Rates: A Preliminary to Estimating the Prevalence of Chronic Drug Use", *Journal of Quantitative Criminology*, vol. 23, pp. 1–22.
11. Welsh, W.N., Zajac, G. and Bucklen, K.B. (2004), "For whom does prison-based drug treatment work? Results from a randomized experiment", *Journal of Experimental Criminology*, vol. 10, pp. 151–177.
12. Chumakova, T.V. (2008), "Drugs and religion", in *Chelovek vchera i segodnia: mezhdistsiplinarnye issledovaniia* [Man yesterday and today: interdisciplinary research], IFRAN, Moscow, Russia, pp. 80–89.
13. Sunami A.N. (2017), "Conflict of values as a socio-philosophical basis of state's war on illicit drug market", *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict studies*, vol. 33, is. 3, pp. 381–388.
14. Gazimagomedov, G. G. and Sunami, A. N. (2012), "Drug conflict and conflict responsibility as a new terms of the conflict studies", *Konfliktologiya*, vol. 1, pp. 54–72.
15. Zazulin G. V. and Sunami, A. N. (eds.) (2008), *Antinarkoticheskaia politika: shvedskie otvety na rossiiskie voprosy y* [Anti-drug policy: Swedish answers for Russian questions], St. Petersburg University Press, St. Petersburg, Russia.
16. Sorokina, T.N. (1996), "From the history of the struggle against smoking opium in the Russian Far East in the 1910–1915", *Istoricheskii ezhegodnik*, Izd-vo Omsk. un-ta, Omsk, Russia, pp. 39–45.
17. Tkachenko, V.V. and Tkachenko, S.V. (2011), *Ugolovnaia otvetstvennost' za nezakonnyi oborot narkotikov* [Criminal liability for drug trafficking], Sifiz Publ., Barnaul, Russia.
18. Frolova, N. A. and Zazulin, G. V. (2003), *Aktual'nye voprosy antinarkoticheskoi politiki: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt* [Topical issues of drug policy: domestic and foreign experience], Orbita-M Publ., Moscow, Russia.
19. Seddon, T. (2007), Coerced drug treatment in the criminal justice system: Conceptual, ethical and criminological issues, *Criminology & Criminal justice*, vol. 7, is. 3, pp. 269–286.
20. Aleinikov, A. V., Strebkov, A. I. and Sunami, A. N. (2015), "The opinion of population concerning issue of drug use as a social hygienic factor", *Problemy sotsial'noi gigieny, zdравookhraneniia i istorii meditsiny*, vol. 23, no. 3, pp. 7–11.
21. Rempel, M., Green, M. and Kralstein, D. (2012), "The impact of adult drug courts on crime and incarceration: findings from a multi-site quasi-experimental design", *Journal of Experimental Criminology*, vol. 8, pp. 165–192.

Received: March 22, 2018

Accepted: June 26, 2018

Author's information:

Artem N. Sunami — PhD of Political Sciences, Associate Professor; a.sunami@spbu.ru

Kseniya V. Kryukova — PhD of Political Sciences, Assistant Professor; k.kryukova@spbu.ru